

А Ду вдруг подскочила, и ее прыжок напугал меня. В этот момент внезапно вспыхнул яркий свет, кто-то зажег свечу, и группа людей с фонарями ворвалась в комнату. Конечно, вела их Юн Нянь. С глазами, полными слез, она бросилась на колени: «Наследная принцесса, пожалуйста, накажите этого раба смертью».

Ненавижу, когда люди преклоняют колени, ненавижу Юн Нянь, ненавижу, когда меня называют наследной принцессой, ненавижу на каждом шагу слышать о наказании смертью.

- Ну, я же вернулась целой и невредимой.

Каждый раз, когда я возвращаюсь, Юн Нянь всегда делает одно и то же. Даже если она не устала от этого, я устала. Вот и сейчас Юн Нянь немедленно прекратила плакать, быстро приказала дворцовой служанке подойти и помочь мне привести себя в порядок. С меня сняли мужскую одежду, которую я носила без объяснения причин, переодели в мою наименее любимое одеяние - три слоя внутри и три слоя снаружи, каждый с цветастым рисунком; честно, эта одежда напоминала мне тысячу слоеных пирогов, или ситуацию, когда даже после долгого очищения от шелухи вы все равно не увидите арахис.

- Завтра день рождения Чжао Лян Ди. Наследная принцесса, не забудьте, немного общения - это всегда хорошо.

Я устало покачивалась из стороны в сторону. Дворцовые служанки протерли мне лицо большим полотенцем, распустили волосы и тщательно расчесали их. От последнего меня совсем начало клонить в сон. Я чувствовала себя куклой, полностью находящейся в их власти. Юн Нянь продолжала ворчать и успела сказать ещё много чего, но я не слышала ни слова, потому что, наконец, заснула.

Я спала очень крепко, впрочем, это не удивительно: накануне я наелась до отвала, за мной гнались большую часть ночи, а улепетывать со всех ног на самом деле слишком утомительно. Мой сладкий сон нарушил громкий звук «Бах!» Резко проснувшись, я открыла глаза, только тогда осознав, что на дворе был уже день. Оказывается, я спала до тех пор, пока солнце не достигло трех полюсов. Я увидела Ли Чэн Иня, в ярости ворвавшегося в комнату, Юн Нянь и служанок, в ужасе опустившихся на колени, чтобы приветствовать его.

У меня всё ещё были распущены волосы, не умыто лицо, и я не успела переодеться, но мне оставалось только подняться с кровати. Дело не в том, что боялась Ли Чэн Иня, но если бы я поссорилась с ним, лежа в постели, я была бы в невыгодном положении и выглядела слишком непредставительно.

Его холодный взгляд говорил сам за себя: очевидно, он пришел, чтобы напасть на меня с новыми обвинениями.

- Ты все еще можешь спать?

Я широко зевнула и спросила:

- Разве я сделала что-то такое, что должно было лишить меня сна?

- Женщина, как ты можешь быть такой жестокой? - он нахмурил брови, глядя на меня. Его взгляд был как две острые стрелы, словно он хотел просверлить две дыры в моем теле.

Обычно наши ссоры выглядели несколько иначе, и я была озадачена:

- В чем дело?

- В чем дело? - он заскрежетал зубами от злости и холодно бросил: - После того как Чжао Лян Ди съела лапшу долголетия, которую ты прислала, ее вырвало, и у нее начался понос. Как можно быть такой злобной?

Я подчеркнуто закатила на него глаза:

- Я никому не посылала лапшу долголетия, кто ее съел и не слазил потом с горшка - это не мое дело!

- У тебя хватило мужества сделать это, но не признать? - его тон был презрительным. - Значит, все девушки из Западной Лян бесстыжие!

Я была в ярости. Мы с Ли Чэн Инем были на ножах в течение трех лет, и он прекрасно знал, как вывести меня из себя. Я вскочила и уже на повышенных тонах затараторила:

- Девушки из Западной Лян всегда отвечают за свои поступки, но почему я должна признаваться в том, чего не делала? Мы, женщины Западной Лян, всегда действуем открыто. Что касается Чжао Лян Ди: если бы я хотела причинить кому-то вред, я бы взяла нож и боролась бы с ним изо всех сил, я бы не стала использовать такой коварный метод, как яд. Значит, достойные и праведные люди Шанцзин могут приходить и обвинять людей, не различая, что правильно, а что неправильно?

Ли Чэн Инь сердито бросил:

- Не думай, что я не осмелюсь свергнуть тебя! Если бы я не поставил всё на этот трон, я бы не стал терпеть тебя, злобная ведьма!

- Поступай, как твоей душеньке угодно, - выплюнула я пять слов.

Ли Чэн Инь был в таком бешенстве, что, уходя, поднял порыв ветра, яростно взмахнув

рукавами своей мантии. Я тоже была настолько зла, что не могла уснуть. К тому же у меня заболел живот, и А Ду принялась его растирать. Юн Нян все еще стояла на коленях. Она явно была напугана, все ее тело сотрясала дрожь. «Не обращай внимания, - сказала я. - Каждый год он угрожает сместить меня, просто в этом году он еще не упоминал об этом».

Глаза Юн Нян снова заблестели от слез: «Наследная принцесса, простите меня... Эту лапшу долголетия... я отправила ее...»

Я была потрясена, и Юн Нян поспешила заверить меня: «Но я действительно ничего не добавляла в нее! Я просто подумала, сегодня день рождения Чжао Лян Ди, и если наследная принцесса ничего не подарит, это будет выглядеть немного... немного... Наследная принцесса сладко спала, поэтому слуга взяла на себя смелость и приказала доставить лапшу долголетия. Я и подумать не могла, что Чжао Лян Ди станет плохо... пожалуйста, наследная принцесса, накажите этого слугу смертью...»

- Если мы не подстроили все это, то ее понос не имеет к нам никакого отношения, тогда к чему наказание смертью? Давай, вставай скорее, я до смерти устала от того, что ты стоишь на коленях.

Юн Нян встала, но ее глаза по-прежнему были полны слез.

- Наследная принцесса, это слово - табу, его нельзя говорить.

Разве это не просто слово «смерть»? Кого в этом мире не ждет старушка с косой? Эти правила Восточного дворца больше всего меня раздражают. Нельзя говорить это, нельзя делать то - такое ощущение, что я сейчас задохнусь.

Из-за случая с рвотой и поносом Чжао Лян Ди, естественно, ее день рождения прошел не так гладко. Ли Чэн Инь, наконец, не выдержал и устроил сцену. Хоть он и желал свергнуть меня, это было невозможно, его отцу-императору даже не нужно было ничего говорить, сразу же вмешался Тай Фу [1]. Но мне все равно не повезло, потому что Ли Чэн Инь наябедничал на меня вдовствующей императрице. Вдовствующая императрица прислала мне «Нравственные наставления для женщин», «Женское поведение» и другие книги такого рода, наказав переписать каждую по десять раз. Я была заперта в комнате, взывая к Небесам, но ответа не получила; я взывала к Земле, но и это было бесполезно. Я переписывала этот бред много дней подряд, переписывала до боли в пальцах, но так и не закончила.

[1] 太傅 (tàifù) - ист. наставник двора (обычно: несовершеннолетнего императора).

Когда я переписала все книги в пятый раз, Юн Нян сообщила мне кое-какие новости: горничную Сюй Нян, которая прислуживала Ли Чэн Иню, ожидало радостное событие. На этот раз Чжао Лян Ди, несомненно, раздосадована.

Я смущенно спросила ее: «Что ты имеешь в виду под радостным событием?»

Юн Нян, почти не дыша, долго ходила вокруг да около, и только тогда я вдруг поняла, что ожидание радостного события – это рождение ребенка.

Взволнованная, я хотела посмотреть на царившую суету. Эти последние несколько лет после прибытия в Шанцзин я еще не видела, чтобы кто-нибудь из моего ближайшего окружения родил ребенка. Это редкое явление, конечно, я хочу присоединиться. В конце концов, Юн Нян настойчиво удержала меня: «Наследная принцесса, вы не должны идти! Говорят, наследный принц однажды пообещал Чжао Лян Ди, что никогда не изменит. В тот день только потому, что наследный принц был пьян, он благоволил Сюй Нян. Теперь Чжао Лян Ди обливается слезами от горя. Если наследная принцесса посетит Сюй Нян прямо сейчас, Чжао Лян Ди подумает, что вы намеренно ее провоцируете...»

Я действительно не понимаю, почему Юн Нян так думает. Все люди в Восточном дворце такие странные, когда они чего-то хотят, они всегда ходят кругами. Я вздохнула. Если Юн Нян сказала, что Чжао Лян Ди подумает так, значит, это действительно возможно. Я не хочу снова ругаться с Ли Чэн Инем, если он снова донесет на меня вдовствующей императрице, они могут с таким же успехом заставить меня переписывать книги до смерти.

Ночью императрица вызвала меня во дворец.

Я редко виделась с императрицей наедине, всегда с Ли Чэн Инем. Слова, сказанные мне императрицей, не отличались разнообразием, обычно это было «встань», «садись», «иди отдыхать». На этот раз она вызвала меня одну, и Юн Нян выглядела крайне обеспокоенной, лично сопровождая меня к императрице.

А Ду ждала нас у дворца Юн'ань, потому что не хотела снимать с пояса свой инкрустированный золотом нож или находиться слишком далеко от меня.

На самом деле императрица очень красива. Она не является кровной матерью Ли Чэн Иня, настоящей матерью Ли Чэн Иня была Шу Фэй [2]. Легенда гласит, что она была несравненной красавицей, и император глубоко любил ее, но, к сожалению, она умерла от болезни вскоре после рождения Ли Чэн Иня. У императрицы никогда не было детей, поэтому Ли Чэн Иня отправили к ней во дворец на воспитание, чтобы впоследствии он стал законным наследным принцем.

[2] 淑妃 (shúfēi) - добродетельная супруга; самый высокий ранг императорской наложницы из девяти в описываемый период.

Императрица долго выговаривала мне, но, честно говоря, я не совсем поняла, о чём речь, потому что ее слова были слишком учёными... Императрица, вероятно, заметила выражение моего лица «мой-разум-как-будто-в-тумане» и, наконец, глубоко вздохнула: «Всё-таки ты ещё слишком молода. Почему тебя совершенно не заботят дела Восточного дворца? Ладно, оставим это, я уже приказала людям приготовить уединенный дворец, чтобы Сюй Нян могла спокойно родить там. Что касается Чжао Лян Ди, ты должна постараться успокоить ее, не позволяй Инь'эру лишний раз тревожиться».

Эти несколько разговорных фраз я, наконец, поняла. Императрица также сказала несколько слов Юн Нянь. Она продолжала говорить в благородной и ученой манере, но я догадалась, что она критикует ее за то, что та не приложила достаточно усилий, чтобы научить меня правильному поведению, потому что лицо Юн Нянь стало пепельным, и она продолжала стоять на коленях, повторяя: «Эта слуга заслуживает смерти».

Наблюдать за императрицей довольно скучно, а слушать, как она бранится, еще скучнее. Поэтому я тайком рисовала круги на ковре кончиками пальцев ног. Все здешние ковры были подарками от тохарцев [3]. Длинный мех под моими ногами был мягким, как снег. Я нарисовала круг, и часть цветов на ковре побелела, потом я снова нарисовала круг уже в обратном направлении - цветы на коврах вернулись к своему первоначальному цвету... Затем я использовала кончики пальцев ног, чтобы нарисовать снова, и цветы обесцветились... Так я забавлялась, пока неожиданно не услышала кашель императрицы. Я посмотрела на нее, уставившуюся на меня.

[3] тохарцы были жителями средневековых городов-оазисов на северной окраине Таримского бассейна (современный Синьцзян, Китай).

Я поспешно выпрямилась и спрятала ноги под юбку.

Выйдя из дворца Юн'ань, Юн Нянь сказала мне: «Наследная принцесса, пожалуйста, проявите сострадание к ничтожной служанке. Если вы будете действовать опрометчиво и снова причините неприятности, вашей слуге придется молить о смерти...»

Я нетерпеливо бросила: «Хорошо, я поняла! Я столько дней просидела взаперти в комнате, переписывая книги, как я могу причинить столько неприятностей!»

- Наследная принцесса последние несколько дней действительно была очень послушной, но императрица просила вас утешить Чжао Лян Ди. Вам следует пойти и увидеться с ней.

- Ли Чэн Инь не подпустит меня к тому месту, где живет эта женщина. Я не горю желанием ее видеть и, тем паче, вновь ругаться с Ли Чэн Инем.

- На этот раз все по-другому. Теперь вы следуете приказу императрицы и можете с высоко поднятой головой отправиться к Чжао Лян Ди. Кроме того, наследная принцесса должна воспользоваться этой возможностью и выразить добрую волю Чжао Лян Ди. Чжао Лян Ди сейчас расстроена из-за положения Сюй Нянь, если вы выкажете намерение подружиться с ней, Чжао Лян Ди почувствует благодарность. Если вы сможете наладить с ней отношения, то даже если Сюй Нянь родит мальчика, ничего страшного не произойдет...

Не знаю, о чем весь день думает Юн Нянь! Когда-то она была самой доверенной служанкой вдовствующей императрицы, но после того, как мне официально был присвоен титул наследной принцессы, ее отправили ко мне, чтобы обучить церемониальному этикету.

Впоследствии она сопровождала меня во время моего самого трудного периода в Восточном дворце. В то время Ли Чэн Инь не был ни в малейшей степени озабочен моим состоянием, а Восточный дворец был полон взглядов чванливых придворных. Я только прибыла в город и не могла так быстро избавиться от повадок человека из Западной Лян, меня часто высмеивали, мне часто выговаривали. Я очень скучала по дому. Весь день я только и делала, что плакала, держась за А Ду, и плакала, и плакала, пока у меня не развилась серьезная болезнь. Ли Чэн Инь даже упрямо говорил, что я притворяюсь больной, и не позволял никому информировать императорскую медицинскую академию или дворец. Это продолжалось до тех пор, пока я уже не могла проглотить ни капли воды. Тогда именно Юн Нян вместе с А Ду дежурили у моей кровати, и ложка за ложкой кормили меня лекарством, вытаскивая меня из ворот ада.

Поэтому, хотя иногда я не совсем понимаю ее образ мыслей, я стараюсь к ней прислушиваться. Кроме А Ду, только Юн Нян искренне хорошо относится ко мне.

- Хорошо, тогда я пойду к ней.

- Этого недостаточно. Наследная принцесса также должна отправить Чжао Лян Ди несколько ценных и редких подарков, чтобы завоевать ее расположение.

Редкий дар... что можно считать редким даром?

Я ломала голову.

Наконец, я торжественно выбрала пару луков и стрел из Гаочана [4], два ящика нефритовых шахматных фигур, некоторые из которых изображали боевой захват, а также вино, принесенное в дань байи [5]. Когда Юн Нян увидела все это, ее лицо приобрело немного странное выражение.

[4] Гаочан - это древний город-оазис, построенный на северном краю негостеприимной пустыни Такламакан в Синьцзяне, Китай. Оживленный торговый центр, он был остановочным пунктом для торговцев, путешествующих по Шелковому пути;

[5] 百夷 (bǎiyí) этн. байи (народность в провинции Сычуань).

- Э-э... Мне кажется, что все эти вещи довольно редкие, - я вопросительно посмотрела на Юн Нян. - Думаешь, они не подойдут?

- Будет лучше, если слуга выберет подарки вместо наследной принцессы.

В конечном счете, подарки выбрала Юн Нян. Ей пришлось по нраву инкрустированный нефритом браслет, броши из чистого золота, красная коралловая шпилька, длинное ожерелье с жемчугом... а также какой-то жасминовый крем-порошок. Мне эти безделушки совсем не казались ценными сокровищами, но Юн Нян уверенно сказала: «Чжао Лян Ди, несомненно,

оценит кропотливые усилия наследной принцессы».

Тем не менее, на самом деле я с нетерпением ждала этой встречи с Чжао Лян Ди. Я встречалась с ней лишь однажды, на второй день после того, как меня короновали, а она была возведена в ранг младшей наложницы. В тот день она пришла, соблюдая правила этикета, чтобы отдать мне дань уважения. Единственное впечатление, которое у меня сложилось о ней, - это женщина в роскошной одежде, окруженная людьми, кланяющимися мне, потому что мы были слишком далеко друг от друга, и я не могла ясно видеть, как она выглядела.

Но Ли Чэн Инь действительно любит ее. Я слышала, что поначалу он отказался жениться на мне, но императрица пообещала ему, что после того, как я стану наследной принцессой, он сможет возвысить Чжао Лян Ди до главной наложницы. Неудивительно, что я была столь ненавистна ему. Ли Чэн Инь постоянно переживал, что я буду запугивать Чжао Лян Ди, поэтому он обычно не пускал ее в мой дворец, и тем более не позволял мне посещать ее покои. Я не знаю, от кого он услышал, что женщины Западной Лян по натуре ужасно ревнивы, и даже могут использовать темное колдовство, чтобы причинить вред сопернице. Поэтому при каждой нашей ссоре, в тот миг, когда я упоминаю Чжао Лян Ди, он подпрыгивает, как кошка, на хвост которой наступили, из страха, что я действительно пойду и обижу Чжао Лян Ди.

Иногда я действительно немного завидую Чжао Лян Ди, но лишь потому, что у нее есть человек, так сильно заботящийся о ней. Здесь, в Шанцзине, у меня нет друзей, я одинока и мне не на кого положиться. Хотя Юн Нян относится ко мне очень хорошо, я не могу поговорить с ней по душам, ведь есть вещи, которые она никогда не поймет, как бы много я о них не рассказывала.

Например, в нашей Западной Лян бывают ночи, когда мы выпускаем лошадей, и они бегут вглубь пустыни, подгоняемые ветром, который, обдувая листья бузины, производит звук «шала-шала». А голубовато-пурпурное ночное небо? Висящее низко, такое ясное, такое влажное, как виноградный кисель, прохладный и терпкий. Юн Нян никогда даже не видела виноград, так откуда ей знать, что такое виноградный кисель. Хотя А Ду понимает мои слова, но как бы восторженно я ни говорила, в лучшем случае она будет просто спокойно смотреть на меня. Каждый раз в это время я особенно скучаю по дому и начинаю думать о своей шумной и суетливой Западной Лян. Чем больше я думаю о Западной Лян, тем больше ненавижу пустынный и унылый Восточный дворец.

<http://tl.rulate.ru/book/12649/247092>